

Письмо из Югославии

ПЕРЕГОВОРЫ С РАДИЧЕВЦАМИ.

Мы напомним уже сообщением о состоянии между радикалами и радичевцами. Но печатное письмо не могло полностью передать сложность положений, которое может еще только измениться и о котором Пашич еще не сказал, по видимому, своего последнего слова (Ред.).

После назначения Пашичем трех заместителей в политических и партийных вопросах, лица эти, председатель Скупщины Трифуневич, председатель Радикального Клуба Живкович и временный председатель Совета Министров Джураичич, вступили (2-го июля) в официальные переговоры с тремя делегатами Радичевской партии: племянником Степана Радича, Павлом Радичем, личным секретарем Степана Радича Никичем и депутатом - радичевцем Шувериной. При этом сдаться замечать, что первые три лица являлись ставленниками Пашича, Пашич же с женой нездоров и заявляет, как говорят, и Королю, во время его последнего посещения Блградца на настоянии последнего чтобы переговоры не откладывались до осени, что сам он не может их лично вести.

Последний три лица представляли, как сообщают, всецело Степана Радича, который продолжает сидеть в тюрьме, а потому, в то время как 3 радикальных вождя носились во все стороны с Пашичем в его виллах под Блградом, три хорватских депутата все время должны были являться в Загреб в тюрьму за директивами Степана Радича.

Переговоры велись так, что об их содержании мало что проникло в общество: предполагалось, что ведутся они для решения так называемого хорватского вопроса, то есть о том, что и как надо изменить в конституции для того, чтобы Хорваты могли считать свои желания удовлетворенными, а вопрос об устройстве и управлении государством был раз и навсегда покончен. Ясно, однако, было, что ближайшей целью их было решение в благоприятном смысле вопроса о судьбе Степана Радича и 5 других арестованных вождей, а также получение Радичевцами власти на местах в Хорватии в свои руки.

Для практического соглашения Радича и Радичевцев надо было, чтобы первые бросили независимых демократов (Прибичевича), а вторые — вышли из оппозиционного блока. При этом надо замечать, что Радичевцы, выходя из оппозиционного блока, который и совместно с ними не имела большинства, ничего не теряли, Радича же разставаясь с Прибичевичем теряли в Скупщине свое большинство, поученное на выборах в феврале этим «Национальным блоком», на платформе борьбы с большинством и радичевщиной, и ставившей в отношении большинства в Парламенте в зависимости от такой легкой меняющейся величины, как добрая воля Радича.

Прибичевич, соглашаясь на сотрудни-

чество с Радичевцами и зная их лучше, чем кто либо (сам он из Хорватии) советовал крайнюю осторожность.

Из первого же коммюнике, где упоминалось только о начале переговоров двух партий (радикалов и радичевцев), стало ясно, что Радич не желает и слышать о переговорах с представителями большинства, — а поэтому всё, включая сюда и оппозицию, относилось в высшей степени скептически к возможности благополучного окончания начатых переговоров, считая, что они ведутся больше для того, чтобы на дёбу убедить в невозможности сдаться с Радичевцами кашу.

Вести, пропавшая в публичку об основании самих переговоров, еще больше подтверждала такое мнение: говорилось о том, что переговоры не касаются измененной Конституции (то есть те условия для Радичевцев всякой смысл, кроме возможности освобождения вождей), но что «за то» Радичевцам будет дана полная власть в Хорватии в течение трех 3-х лет со дня Скупщины, на время которых заключаются договоры (иначе говоря, Радичевцы смогут свободно вести там свою пропаганду до новых выборов, чтобы получить большинство).

Люди поздравляли алчущих. Все же время (на прошлой неделе) все материалы по делу Радича были переданы Судебным следователям Прокурору для обвещения.

В это время произошло крайне знаменательный случай: разматывая в Скупщине одно из обычных со стороны оппозиции обвинений министра юстиции (независимого демократа) в злоупотреблении со снятием секретаря, Радичевского Клуба, вместо того, чтобы отклонить своим большинством требование о предании министра суду — заявил о своем невмешательстве в это обвинение, оставив всякому депутату действовать по своему. Министр Юстиции подал в отставку, не желая давать повод для ссоры 2-х правительственных партий, и заявил просьбу о назначении парламентского расследования. Но его радикалов просто не пришло на заседание Скупщины, и предложение оппозиции, а не собственное желание министра было принято во вопросу о его отъезде.

Радичевцы добились своего: министр юстиции оказался под судебным преследованием, как и их вождь Радич. Успех был блестящий. На другой же день (11 июля), как объявлял поздно вечером, был «подписан протокол переговоров» и «протокол соглашения» между радикалами и радичевцами.

Трудно предсказать, что из этого может выйти в будущем. Трудно поверить, чтобы радикалы, а особенно мудрый Пашич разбили свое большинство и отдались на милость и немилость Радичу, в тот момент, когда они находятся у власти и облечены народным доверием прошлых выборов. Трудно думать, чтобы кто либо, и особенно Пашич, мог ввернуть в дружбу Радича, сидя-

то в тюрьме и только думающего об отпущении. Трудно вообще поверить в то, чтобы соглашение с Радичем состоялось так легко. Такое соглашение не могло бы не компрометировать сильно авторитета правительства, официально издавшего восторженные документы об «взвеш» Радича.

Пока не известены еще текст подписанного протокола о соглашении; его предварительно должен одобрить (се-

годня) радикальный клуб, который, конечно, всецело следует за Пашичем, как за вождем.

Характерно, однако, — и сдается это подчеркнуть — желание Пашича избежать всякого официального участия в готовящемся соглашении. А нет такого великого дела в этом королевстве, которое могло бы быть совершено помимо и против воли Пашича.

В. С.

Къ Сергѣеву дню

ПЯТИЛѢТІЕ КОМУНИСТИЧЕСКАГО КОШУНСТВА

5 июля 1922 г. игумень Троице Сергѣева монастыря под Москвой, преподобный Никонъ, приступая къ постройкѣ каменнаго храма въ присутствіи князя Юрія Звенигородскаго и Галицкаго, «вынесъ изъ земли» почивающаго тамъ мощи преподобнаго Сергѣя. Мощи пребывали въ землѣ свыше 30 лѣтъ.

По даннымъ современника Пахомія Сербина, мощи были найдены нетлѣнными: «Открыше чудотворный гробъ, видѣша люди чудное зрѣніе и умчленя достойное, яко не токмо чстоное святогѣ тѣло цѣло и свѣтло соблюдеся, но одежа да его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла быше всяко и тлѣно никакже сопричастна»...

Мощи преподобнаго Сергѣя были временно поставлены въ старомъ деревянномъ храмѣ, а позже перенесены въ Троицкій соборъ лавры, построенный преподобнымъ Никономъ изъ благаго камня, и поминали въ серебряной ракъ, устроенной Юванномъ Грознымъ. Эта рака впоследствии была опущена въ другую, тоже серебряную, которая, равно какъ и рѣшетка и сѣны на столбахъ, были вылиты изъ перваго серебра, добытаго въ Россіи въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны.

Съ 1922 года до самой революціи мощи преподобнаго Сергѣя являлись одной изъ наиболѣе чтимыхъ русскихъ святынь на поклонение которой стекалось буквально все русское населеніе, начиная отъ царей, кончая простымъ народомъ, мѣрившимъ тысячевѣрствя пространства съ котомкой за плечами.

Олеарій называетъ мощи преподобнаго Сергѣя и Никона величайшими святынями Московыи и между прочимъ, пишетъ: «Русскіе гордятся, что и нынѣ еще они могутъ показатъ вскому «Mirn schalen» (главы) этихъ святынь съ нетлѣнными въ нихъ мозгами»...

Никакія историческія бури, бушевавшія въ Россіи, вродѣ татарскихъ нашествій, смутнаго времени, нашествія французовъ и пр. не потревожили смертнаго сна преподобнаго Сергѣя и его нетлѣннаго праха. «Руки нечестивыхъ донныи не прикасалась къ нему», — писалъ съ гордостью въ 1901 году графъ М. В. Толстой.

И только въ смрадные дни «великой» коммунистической революціи «нечестивые враги» увя, русскіе, кошуниственно

потревожили святой покой русскаго угодника.

Попытки коммунистовъ вскрыть мощи преподобнаго Сергѣя предпринимались неоднократно въ теченіе 1920 года но всякій разъ назначенныя комиссіи въ нуждены удалиться подъ напоромъ сильнаго негодованія жителей Троицкаго посада. Тогда коммунисты прибѣгли къ хитрости. Въ одинъ изъ будничныхъ дней, когда въ церкви было мало народа, и совершалась обычная литургія, въ соборъ по одиночкѣ, со спрятанными винтовками и револьверами по одному, вошли красноармейцы и члены комиссіи по «свидѣтельствуванію».

Когда священникъ вынесъ за Херувимской святыне дары, одинъ изъ комиссаровъ, быстро подбѣжалъ къ священнику и приставилъ револьверъ къ его груди, крикнувъ: «довольно глѣть!» Богослуженіе было прервано, двери заперты на засовы и калвермы приставлены каравулы. Комиссаръ скандовалъ красною арміямъ: «фуражки надѣть».

Солдаты исполнили команду. Но когда приглашенные для «работы» опытные взломщики вскрыли раку, красноармейскіе снова сняли фуражки и стали креститься. Раздраженный комиссаръ снова скандовалъ надѣть фуражки. Часть красноармейцевъ исполнила приказъ, часть продолжала стоять безъ шапокъ. Нѣкоторые изъ солдатъ стали биться въ истерику. Комиссаръ стал избивать ихъ прикладомъ револьвера. Когда была вскрыта вторая рака и съ мощей былъ снятъ первый покровъ, среди красноармейцевъ поднялся угрожающій ропотъ. При видѣ рельефно обрисовавшагоса человѣческаго контура, лѣтководный вскрытѣемъ мощей, больше не осмѣлились кричать на солдатъ и дальнѣйшее вскрытѣе производилось только при помощи латинскихъ стрѣлковъ

Останки святого оказались одѣтыми въ темное монашеское платье. Мощи представляли собой скелетъ, обтнутый изсохшими мускулами и коричневатою нѣскольکو блестящей кожей. На головѣ святого сохранились бѣлые волосы и не большая сѣдая борода. Никакихъ слѣдовъ искусственнаго мумифицированія и извлеченія внутренности обнаружено не было.

Загѣмъ при общемъ гробовомъ молчаніи гробъ былъ закрытъ. Протоколъ вскрытія на мѣстѣ не былъ составленъ. Понятнымъ его предьявляли для подписи лишь на третій день съ дополненными подробностями, которыхъ при вскрытіи не наблюдалось. Понятые вынужденны были подписать этотъ протоколъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

Актъ вскрытія мощей преподобнаго Сергѣя вызвалъ среди населенія Троицкаго посада впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое онъ хотѣлъ вызвать. Въ населеніи долго пир-

Иностранная жизнь.

Коммунисты въ Скандинавіи

Какъ сообщаютъ изъ осведомленнаго источника:

По указкѣ изъ Кремля коммунистическая пропаганда въ Скандинавіи начинаеть принимать все болѣе и болѣе эффективныя формы и въ настоящее время въ г. Осло при секретариатѣ Скандинавской Коммунистической партіи дѣла основано специальное бюро по руководству т. н. пионерскимъ движеніемъ, которому болѣевики придають большое значеніе, стремясь развить его и захватить въ свои руки подрастающее поколѣніе.

Потому въ Копенгагенѣ устроена даже особая школа для обученія дѣтей ораторскому и пропагандистскому искусству.

И конечно все это постепенно даеть свои невеселые всходы.

Натаскиваніе въ школѣ маленькихъ агитаторовъ развиваютъ сплуную агитацию среди товарищей, подъ вліяніемъ которой машины въ 10 лѣтъ демонстративно уходятъ съ уроковъ религіи и ведутъ на урокахъ географіи ожесточенные споры съ учителями, когда вопросъ касается Россіи.

Юные пионеры готовятся къ этому въ особомъ школахъ, причѣмъ всѣ члены ком. партіи обязаны посылать своихъ дѣтей въ эти специальныя воскресныя школы.

Такъ обстоитъ дѣло въ Копенгагенѣ, особе же развитіе пионерскія ячейки получилъ въ Норвегіи, гдѣ число ихъ говоритъ доходить до 250.

Къ сожалѣнію борьба съ этими явленіемъ очень нелегка, родители смотрятъ на новое увлеченіе своихъ дѣтей какъ на какую то игру въ индѣйскѣ, иаъ обетую въ Америку, считая, что оно пройдетъ съ возрастомъ; учительскому же персоналу въ Дании по предписанію высшаго начальства запрещено вести бесѣды съ дѣтьми на политическія темы.

Но, конечно, болѣевицкій спрутъ стремится захватить и проникнуть во всѣ поры социальной жизни не ограничиваясь только пропагандой среди дѣтей.

Для Норвегіи придумана болѣевикима весьма хитроумная комбинація.

По приказу изъ Москвы, мѣстные ком-

мунисты, для организаціи красной арміи, массами начали входить въ порнскіе стрѣлковыя союзы, захвативъ нѣкоторыя изъ нихъ всецело въ свои руки.

Добившись этого, они ликвидировали захваченные союзы, поставивъ передачу денежныхъ средствъ въ распоряженіе компартіи и заполнивъ въ свои руки оружіе и аммуницію.

Къ этому остается добавить, что стрѣлковыя союзы въ Норвегіи являются немаловажнымъ звеномъ въ общей цѣпи зашиты страны и пользуются благодаря этому государственной поддержкой.

Захвативъ ихъ коммунисты арсеналы имъ вмѣсто національныхъ красныхъ знаменъ и, конечно, съ совѣтскими эмблемами въ видѣ серія и молота.

Суммируя все вышесказанное мы можемъ только сказать, что присутствіемъ при совершенно особомъ и пока еще болѣе нигдѣ незавѣдомомъ явленіи, а именно при плановѣрной подготовкѣ революціонной арміи за счетъ государственнаго, въ цѣляхъ его разрушенія.

Такое положеніе въ Норвегіи. Что касается Швеціи, то въ ней какъ будто начинаютъ осознать коммунистическую опасность, дебатировавъ все время вопросъ о сознаніи общаго противобольшевистскаго фронта отъ крайне правыхъ до социаль - демократовъ включительно.

Подобная активность объясняется тѣмъ, что въ Стокгольмѣ получили широкую огласку революціонныя планы, въ работаніе Москвой по отношенію къ Швеціи.

Недовольный малой активностью шведскихъ коммунистовъ, Коминтернъ предписалъ приложить всѣ усилія для того, чтобы поднять возстаніе въ войскахъ, асигновать на это дополнителные 500 тысячъ кроунъ, и требую создать специальный военно - коммунистическій комитетъ.

Работа этого комитета должна выразиться въ организаціи солдатскихъ и матросскихъ съездовъ и въ шпіонажѣ за военными властями и стрѣлковыми обществами.

Въ программу дѣятельности входитъ изученіе способовъ захвата желѣзныхъ дорогъ, складовъ оружія, мостовъ и формирование ударныхъ красныхъ отрядовъ.

Словомъ, ведутся приготовления къ настоящему, manu militari, перевороту.

Е.

и извлеченія внутренности обнаружено не было.

Загѣмъ при общемъ гробовомъ молчаніи гробъ былъ закрытъ. Протоколъ вскрытія на мѣстѣ не былъ составленъ. Понятнымъ его предьявляли для подписи лишь на третій день съ дополненными подробностями, которыхъ при вскрытіи не наблюдалось. Понятые вынужденны были подписать этотъ протоколъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

Актъ вскрытія мощей преподобнаго Сергѣя вызвалъ среди населенія Троицкаго посада впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое онъ хотѣлъ вызвать. Въ населеніи долго пир-

кудировало слухи о неудачѣ вскрытія. Говорилось, что святой, не желая поруганія, ушелъ въ землю и комиссарамъ оставалось только соничать басни. «Богъ никогда поругаемъ не бываетъ».

Трагическо оказалась судьба активныа участниковъ «свидѣтельствуванія» мощей преподобнаго.

Врачъ Шапиро, свидѣтельствувавшій мощи, на другой день скоростножно скончался отъ апоплексическаго удара. Комиссара Херера вскорѣ разнесли лошади, испугавшіеся автомобиля. Командующій взводомъ латышъ Дзенскій былъ убитъ въ ссорѣ ножомъ своимъ землякомъ.

Н. Б.

ОКАЯННЫЕ ДНИ

Изъ Одесскаго дневника 1919 года.

24 апреля.

Вчера ночью выдумалъ прятать эти записки такъ хорошо, что кажется самъ чортъ не найдетъ. Да, впрочемъ, чортъ те перь малышка и ценюкъ. Все таки могутъ найти, и тогда не одобровать мнѣ. Въ «Извѣстіяхъ» обо мнѣ уже писали: «Давно пора обратить вниманіе на этого академика съ лицомъ голубевскаго соловья, вспомнить, какъ онъ воспѣвалъ приходъ въ Одесу французовъ!».

Посмотрѣть газету. Все тотъ же балаганъ. «Бессарабское рабоче - крестьянское правительство опубликовало вчера манифестъ, объявляющій войну Румыніи. Но это не хищническая война империалистовъ...» и т. д.

Статья Троицкаго «о необходимости добить Колчака». Конечно, это первая необходимость и не только для Троицкаго, но и для всѣхъ, которые ради погибеліи «проклятаго прошлаго» готовы на погибель хоть половины русскаго народа!

Изъ Одессы народъ очень ждалъ болѣевищевъ — «наши придутъ». Ждали и мнѣ обмануть -- надобла смѣна пластыя, ужъ хоть что нибудь одно, да, вброшено, и жизнь дешевле будетъ. И охъ какъ парализовалъ всѣ! Какъ тотъ старикъ мужикъ, что купилъ себѣ на ярмаркѣ очки такой силы, что у него отъ нихъ слезы традомъ брызнули.

— Макарь, да ты съ ума сошелъ! Въдѣ ты ослѣпнешь, въдѣ они тебѣ совѣтъ не по глазамъ!

— Кто, баршть? Очка-то? Ничего, они слѣпнутъ...

Волонтеры разважались, что предсѣдатель одесской чрезвычайной Сѣверной (именъ одесскаго доктора Юсифовича) горлозъ ему:

— Простать себѣ не могу, что упустилъ Колчака, который былъ у меня одважды въ рукахъ!

Болѣе страшнаго оскорбительнаго я за всю мою жизнь не слышалъ.

Дыбенко... Чеховъ однажды сказалъ мнѣ: — Вотъ чудесная фамилія для матраца: Коммюдаментко.

Дыбенко стонѣтъ Кошкюдаментко. О Колонній (разсказывалъ вчера Н. Н.):

— Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. Съ утра надѣвала самое простенское платье и скакала въ рабочей трубочкѣ — «на работу». А воротясь домой, брала ванну, надѣвала голубенькую рубашечку — и прыгала съ корюбой конфетъ въ кровать въ подгузѣ: Ну, давай, дружокъ, поболтаемъ теперь вѣласть!

Судебная и психиатрическая медицина давно знаетъ и этотъ (ангелоподобный) типъ среди природженныхъ преступницъ и проституткокъ.

Изъ «Извѣстій»: — Крестьяне говорятъ: дайте намъ коммуну, лишь бы избавите насъ отъ кадетовъ...

У дверей «Полуправленія» стонѣтъ огромный плакатъ. Краснокожая баба, съ бѣшеннымъ дикарскимъ рыломъ, съ яростно оскаленными зубами, съ разбѣгомъ всадла вилы въ задъ убѣгающаго генерала. Изъ зада хлещетъ кровь. Подпись:

— Не зарисѣ, Деникинъ, на чужую землю!

«Не зарисѣ» должно обозначать «не зарисѣя». А ко всему этому прибавьте ихъ провинсаніе. По приказу самого Архангела Михаила никогда не пріму этого правосанія. Ужъ хоти бы по одному тому, что человекская рука съ самаго сотворенія міра не писала ничего доброднаго тому, что пишеть теперь по этому правосанію. Ни чего доброднаго по вѣности, живности и вѣтрочу.

Подумать только: надо еще объяснять то тому, то другому, почему именно не пойду и служить въ какой нибудь Пролеткульт! Надо еще доказывать, что нельзя сидѣть рядомъ съ чрезвычайкой, гдѣ чуть не каждый часъ кому нибудь проламываютъ голову, и просвѣщать на смѣть «последнихъ достижений въ инструментальной стиха» какою нибудь хрипу съ мокрыми отъ пота руками! Да порази ее проказа до семидесяти седьмого колѣна, если она даже и «интересуетъ» стихами, и тѣмъ паче, чѣмъ болѣе «интересуетъ»!

Вообще теперь самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять ихъ, спорить о томъ, хороши они или дурны. Это - ли не крайній ужасъ, что я долженъ открывать такую Америку — доказывать, что лучше тысячу разъ оклеить съ голоду, чѣмъ обучать эту хрипу ябамъ и хорема, дабы она могла воспѣвать, какъ ей сотоварицы грабятъ, бьютъ, насилуютъ, пакостятъ въ церквѣ, вырѣзываютъ ремни изъ офицерскихъ шиней, вѣнчаютъ съ кобылами священниковъ?

Кстати объ одесской чрезвычайкѣ: тамъ теперь новая маера пристраивать — надъ клоазетной чашкой. А у «предсѣдателя» этой чрезвычайки, у Сѣвернаго, «кристиальная душа», по словамъ Волошинна. А познакомлася съ нимъ Волошинъ, — всего нѣскольکو дней тому назадъ, — «въ гостинной одной хорошенькой женщины».

Анюта говоритъ: — Припали красноармейцевъ изъ Россіи.

Знаю, уже нѣкоторыхъ видѣлъ. Нынче встрѣтилъ опять толстомордаго, коротконогаго, у котораго при разговорѣ поднимается лѣвый уголокъ губы. Страшный типъ. Я былъ надъ спускомъ въ портъ въ концѣ Торговой, онъ лежалъ съ другимъ солдатомъ на оградѣ, съ обезьяней быстротой щелкавъ подсолнухами, исподлобья поглядывая на меня. За чѣмъ, я несчастный, хожу туда? Смотрѣть на пушотный рейдъ, на море, все та надежда на спасеніе съ той стороны. И старался не встрѣчаться съ нимъ взглядами.

Кончатъ воспоминанія Булгакова. Толстой говорилъ ему:

— Курскетикъ, читалюія Горькаго и Андреева, искренно вѣрять, что не могутъ постигнуть ихъ глубины... Прочелъ прологъ къ «Апатамъ» — полная бессмыслица... Что у нихъ у всѣхъ въ головахъ, у всѣхъ этихъ Брюсовыхъ, Вѣляныхъ?

Чеховъ тоже не понималъ, что. На людяхъ говорилъ, что «чужденно», а дома хохоталъ: «Ахъ, такіе сміе! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать!» И про Андреева: «Прочитаю двѣ странички — надо два часа гулять на свѣжемъ воздухѣ!».

Толстой говорилъ: — Теперь успѣхъ въ литературѣ достигается только глупостью и наглостью.

Онъ забылъ помощь критиковъ. Кто они, эти критики?

На врачебный консилиумъ зовутъ врачей, на юридическую консултатію — юристовъ, желѣзнодорожную комиссію оцѣнивають инженеры, домъ — архитекторы, а вотъ художество всякій, кто хочеть, люди, чото совершенно противоположные по натурѣ всякому художству. И слушаютъ только ихъ. А отзывъ Толстыхъ, Чеховыхъ въ гронъ не ставится, — отзывъ какъ разъ тѣхъ, которые прежде всего обладаютъ огромныя критическимъ чутьемъ, ибо написаніе каждаго слова въ «Войнѣ и мирѣ» есть въ то же самое время и строжайшее возвышеніе, тончайшая оцѣнка каждаго слова.

Когда совѣтъ падаетъ духомъ отъ полной безнадежности на счетъ себя лично и Россіи, ловишь себя на другой сокровенной надеждѣ, на мечтѣ, что все таки наступитъ же когда нибудь день отмщенія и общаго, всечеловѣческаго проклятія теперешнимъ дьямъ. Нельзя самъ безъ этой надежды. Въдѣ это истинно самъ Богъ говоритъ во мнѣ, «Господь ревнивецъ и мститель», ненавидящій и дожнествующій сокрушатъ и карать дьявола. Да, но во мнѣ лихъ - ли Онъ говоритъ теперь? Помянуто высказываеть изъ рукъ и эта послѣдняя надежда. Во что можно вѣрять теперь, когда

раскрылась такая несказанно страшная правда о чловѣкѣ?

Все будетъ забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможетъ, которая что угодно исказитъ, затушуетъ, какъ это сдѣлаю, напримеръ, съ французской революціей то вреднѣе на землѣ племя, что называется поэтами, среди которыхъ на одного истинно святого всегда приходится десять тысячъ пустосвятитовъ, выродковъ и паразитовъ.

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ. Въ его минуты роковыя!

Да, мы надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, да же и надъ тѣмъ несказаннымъ, что творить сея-чело, мудрымъ, философствующимъ. Все у то у насъ не веревка, а «вервья», какъ у того крыловскаго мудреца, что полетѣлъ въ яму, но в ѣмъ продолжалъ свою эволюцію. Въдѣ вотъ и до сихъ поръ споримъ, напримеръ, о Блокѣ: впрямъ его ярмаги, юнѣше улупую дѣвку, суть апостолы или все - таки не совѣтъ? Михрютка, драбничій дубинный венцанское зеркало, у насъ непремѣнно гуниъ, скифы, и мы угтшаемъ, налѣвннъ на него зотъ дурачкій, книжный ярлыкъ.

Вообще литературный подходъ къ жизни просто отравилъ насъ. Чотъ, напримеръ, сдѣлали мы съ той громадой и разнообразнѣйшей жизнью, которой жила Россія послѣднее столѣтіе? Развѣли, развѣлила ее на десятилѣтія — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилѣтіе опредѣлила его литературнымъ героємъ: Чацкій, Овѣгинъ, Печоринъ, Базаровъ... Это - ли не курамъ на смѣхъ, особенно ежели вспомнить, что героємъ вѣтъ бы то одному «осмнадцатѣмъ» лѣтъ, другому девятнадцатъ, третьему, самому старшему, двадцать!

Газеты зовутъ въ походъ на Европу. Вспомнилось: осень 14 года, собраніе московскихъ интеллигентовъ въ Юридическомъ Обществѣ. Горькій, зеленѣя отъ волненія, говоритъ рѣчь: — Я боюсь русской побѣды, того, что даяка Россія навалится стомилліоннымъ брюхомъ на Европу!

Теперь это брохо «революціонное», и онъ уже не бонгетъ.

Рядомъ съ этимъ есть въ газетѣ и «предупрежденіе»: «Въ связи съ полнымъ истощеніемъ топлива, электричества скоро не будетъ». Иттакъ, въ одинъ мѣсяць все обработали: ни фабрики, ни желѣзныя дороги, ни трамвайсы, ни воды, ни хлѣба, ни одежды — ничего!

Да, да — «вотъ выйдутъ семь коровъ тощихъ и пожрутъ семь тучныхъ, но сами отъ того не стануть тучнѣе».

Сейчасъ (одиннадцатый часъ, ночь) открылъ одно, выплунуль на улицу: луна низко, за домами, нигдѣ ни души и такъ тихо, что слышно, какъ гдѣ - то на мостовой грызеть кости собака, — и откуда только могла она взять эту костъ? Вотъ дожили, — да же кости дивнѣше!

Перечитаню «Обрывъ». Длинно, но какъ умно, крѣико! Все такъ дѣлаю усидѣи, чтобы читать — такъ противны теперь эти Марки Волохопы. Сколько хажовъ пошло отъ этого Марка! «Что же это въ залѣвнъ въ чужой садъ и вѣдѣ чужія яблоки?» — «А что это значить: чужой, чужій? И почему мнѣ не вѣтъ, если хочеться?» Маркъ истинно гениальное созданіе, и вотъ оно, неизумительное дѣло гениальныхъ художниковъ: такъ чудесно схват